

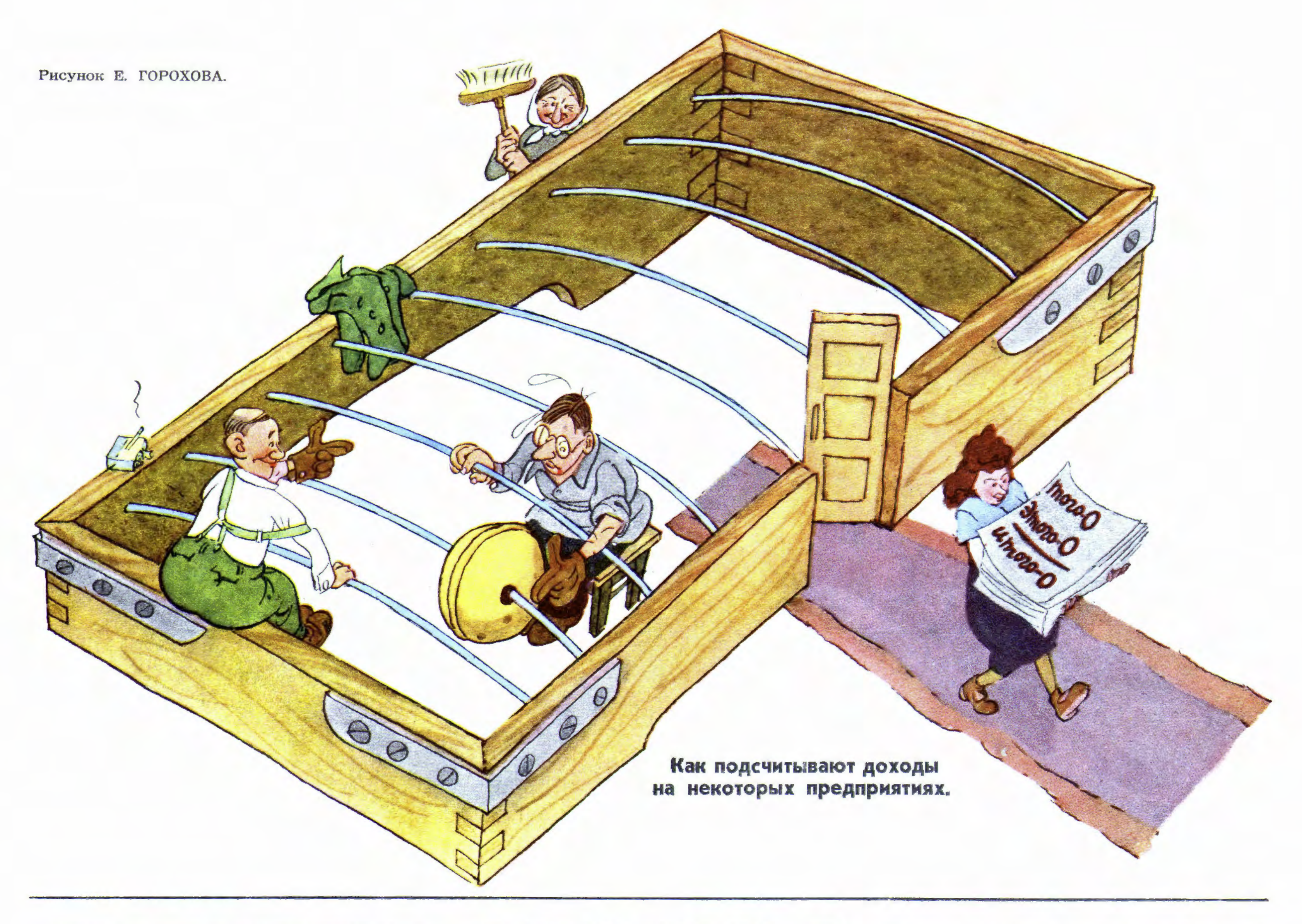
В КУЛУАРАХ СЪЕЗДА

— Теперь мы ваш уголёк будем возить с новой энергией!..

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 5 20 ФЕВРАЛЯ (1439) 1956 ГОД ИЗДАНИЯ 34-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

Как подсчитывают доходы на некоторых предприятиях.

ЛЕКЦИЯ

Правильно говорят степные люди: когда человеку не повезёт, то его и на верблюде собака укусит. Пример тому — случай, происшедший с инструктором Уильского райкома партии тов. Калауовым. Это активнейший член районного отделения Общества по распространению политических и научных знаний. О многотрудной деятельности тов. Калауова красноречивее всего говорят цифры. Читайте и восхищайтесь! За одиннадцать месяцев он прочитал 72 лекции на 32 различные темы: об уходе за посевами кукурузы, о воспитании детей, об археологических находках в центральном Казахстане, и так далее, и тому подобное. И вот с этим универсальным лектором произошла каверзная история.

С отгонных пастбищ пришло письмо. Оно дышало обидой:

«Забыли дорогу на колхозные фермы уильские лекторы. Где они? Чем занимаются?»

В районном отделении Общества по распространению политических и научных знаний встревожились: «Кого бы послать на дальние отгоны?» Думали, думали и порешили: «Нет лучшего кандидата, как товарищ Калауов. Человек он живой, эрудированный и, главное, транспортом обеспечен. Чего лучше?»

— Я могу! — отозвался Калауов. — На какую тему рекомендуете выступить? По молочному животноводству? Ладно! Но... деньги на бочку.

Прибыл лектор в урочище к вечеру. В красной юрте проводилась громкая читка газет.

«На ловца и зверь бежит», — мысленно отметил лектор и немедля взял быка за рога.

— Друзья животноводы! — вдохновенно сказал он. — Поговорим сегодня на актуальную тему: как размножать, кормить и выдаивать крупный рогатый скот. Возражений нет? Хорошо!

Засим приезжий вытащил из полевой сумки пачку исписанных листков бумаги, положил их перед глазами и попросил внимания. Подчеркнув важность систематического пополнения знаний, лектор перешёл было к сути темы, но на первой же строчке запнулся.

— Темновато у вас, товарищи. Еле-еле буквы различаю. Организуйте вторую лампу.

Вторую лампу «организовали». Лекция потекла легко и плавно, как по маслу.

— Земляки! — заливался оратор. — Ваши молочные бурёнки есть животные класса млекопитающих, отряда парнокопытных, семейства полорогих. Должен отметить, что к этому подсемейству относятся также бантенги, гауры и, собственно, крупный рогатый скот, включая зебу.

К сожалению, товарищи, вопрос о том, произошли ли все указанные группы пород домашнего скота, в том числе и нашей казахской белоголовой, от одного или нескольких диких видов, ещё окончательно учёными не решён. Да, не решён!

— Ишь, как чешет! — восхищённо перешёптывались слушатели. — Видать, башковитый человек.

Далее наблюдательный оратор отметил некоторые характерные свойства животных, относящихся к классу млекопитающих, а именно: коровы родят телят, имеют рога, любят зелёную траву и сено, но, однако, после некоторой тренировки не гнушаются и силосом.

— Истинная правда! — дружно откликнулись слушатели, а старый чабан Нурмолда добавил:

— Могу подтвердить, что приезжий человек не врёт. Семьдесят первый год живу на свете, но ещё не примечал, чтобы корова принесла поросёнка или ягнёнка.

Оратор благосклонно кивнул головой аксакалу и с ещё большим подъёмом продолжал:

— Движения земной коры, как сказано, могут быть не только вертикальными, но и горизонтальными.

— Что, что? — оживились слушатели.

— Тьфу, шайтан! — плюнул оратор. — Не та страничка попалась... О причинах землетрясений... Да где же она, проклятая? Вот, нашёл... Пошли дальше. Как явствует из поступающих сообщений, в настоящее время имам Ахмед стремится... Что за чёрт?! Опять не то! «Йемен» в «Молочное животноводство» затесался. Каким таким образом?

Лектор начал лихорадочно рыться в бумагах. На благородном челе его выступил холодный пот.

— Не находится? — участливо справился Нурмолда. — А без бумажки не умеешь говорить? Не научили? Это плохо.

— Может быть, к вопросам перейдём? — нашёл выход из положения заведующий красной юртой. — У кого есть вопросы? Нет?.. Вот тут кто-то подал записку. Разрешите зачитать?.. Товарищ пишет: «Мы узнали, к какому классу, отряду, семейству относятся коровы. Хотелось бы выяснить, к какому отряду и семейству можно отнести лектора...» Гм! Да!.. — заведующий неожиданно закашлялся. — Дальше неразборчиво.

— Читай, читай до конца! — раздались голоса.

Чтец, запинаясь, продолжил:

— «По нашему мнению, к семейству верхоглядов».

На этом лекция закончилась, потому что оратор от заключительного слова отказался.

И хорошо сделал. Скромность украшает и членов Общества по распространению политических и научных знаний.

А. ОМЕЛИН

Уильский район,
Актюбинской области.

Пути-дороги

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Господа, после многолетнего опыта пора бы убедиться, что этот путь самый разумный.

Олекса НОСЕНКО

НЕУГОМОННЫЙ Стратон

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

На попутной полуторке я наконец добрался до «Маяка», большого и богатого колхоза, раскинувшегося по берегу реки Псёл. Был жаркий тихий полдень. В такую пору вряд ли застанешь нужных людей в конторе колхоза. Но на всякий случай я всё же направился туда.

И что же? Мне повезло: из полуоткрытой двери председательского кабинета доносился чей-то голос. Следовательно, сообразил я на ходу, какие-то весьма неотложные дела заставили председателя бросить полевые работы. Я прислушался. Тот же хрипловатый голос кому-то докладывал по телефону:

— С хлебом, Степан Петрович, у нас благополучно. Косовицу вчера закончили и вчера же первые тонны сдали государству. Да, я в курсе всех дел. А вот с силосованием кукурузных початков... Понимаем, понимаем, затягивать нельзя, да дело-то новое. Но, будьте уверены, наш «Маяк» подтянется. Что, что? Да, это вам докладывал я, Стратон... Да, по поручению всего руководства... Хорошо, и мясо подтянем... Не беспокойтесь! До свиданьица!

Я вошёл в кабинет и поздоровался с важно восседавшим в плетёном председательском кресле упитанным мужчиной лет сорока пяти, в вышитой рубахе с расстёгнутым воротом. Глаза его с хитринкой во взгляде бегали по сторонам.

— Очень рад, что вы к нам. Уважаю корреспондентов: народ бывалый, есть о чём поговорить... Недавно к нам даже кинооператор заезжал, ферму на плёнку накручивал... Да вот беда: попросили мы накрутить ещё для кино кое-кого из активистов (тут Стратон скромно и смущённо потупил взор), а у него, оказывается, лимит плёнки только на фермы. Кто же так поступает? Приехать за четыреста километров, и вдруг — на тебе! — глупый лимит. У вас, надеюсь, карандашей и бумаги хватит, они у вас, надеюсь, без лимита. — И, довольный своей остротой, залился смехом.

Я не прерывал своего словоохотливого собеседника. Да и при желании мне это трудно было сделать, ибо тот, не умолкая, продолжал:

— Так вас, разумеется, прежде всего интересует кукуруза. Угадал? Это же теперь гвоздь всех гвоздей. Кто бы ни приезжал из корреспондентов, все про кукурузу записывали... А то как же! В прошлом году у нас было её всего-навсего пятнадцать гектаров. А в этом году, батенька, мы такой разгон взяли, что весь район ахнул. Это вам не шутки!

Мой собеседник сразу преобразился, и всё его лицо, вся фигура как бы говорили о том, каких неимоверных трудов стоил ему лично этот скачок в приросте кукурузных площадей. Он встал с кресла и прошёлся по кабинету.

— Но, насколько я разбираюсь, вас в вопросе кукурузы первонаперво интересуют люди? Пожалуйста! Если вы не устали с дороги, прошу за мной! — И Стратон почти насильно увлёк меня из конторы.

Вскоре мы подошли к скверику, где красовалась доска почёта.

— Вот зеркало нашей доблести! — с восхищением воскликнул Стратон. — Тут цвет «Маяка». Берите карандаш и записывайте! Звеньевая Мария Калашник — вот эта — собрала по тридцать семь центнеров кукурузы. А рядом с ней наш кузнец Мусий Степанович. Знаток своего дела. Правда, между нами говоря, не прочь иногда и выпить. Но это только по воскресеньям и по большим праздникам. А эта курносенькая, Харита Чечель, — лучшая свинарка. К слову будь сказано, моя племянница по жене. А вот и главная героиня — Олёна Опанасьевна Кучугурная. Наверное, слыхали про неё? Так это она и есть. Собрала кукурузы по шестьдесят шесть центнеров. На весь район рекорд!

Пока я всё это записывал, Стратон заглядывал через плечо в блокнот и проверял, не ошибся ли я в записях.

Мы шли по безлюдной улице села. Стратон собирался было рассказать мне что-то особенно интересное, но вдруг из-за угла выползла трёхтонка, тяжело нагруженная ящиками, тюками, мешками.

— Кооператоры наши едут! — бросил мне на ходу Стратон и взмахом руки остановил машину.

Мне показалось, что шофёр и сельмаговец, сопровождавший груз, отнеслись к этой вынужденной остановке как к чему-то неприятному, но уже привычному. Между тем Стратон повелительно распоряжался:

— Слушай-ка, Герасим Саввич, случаем, патефонов не везёшь? Пара штук есть? Чудесненько, ты просто гений! Так вот что. Ты же знаешь, что Настя Бабийчук, наша лучшая свинарка (тут Стратон посмотрел в мою сторону), скоро выходит замуж, на днях свадьба. Правление премировало её патефоном, так ты не забудь забронировать. Ясно?

Сельмаговец, названный Герасимом Саввичем, поморщился и нехотя кивнул головой. Машина ушла.

— Ограниченные у нас торговцы. В политике мало что кумекают. Им бы только план, а того не понимают, дубовые головы, что надо политично торговать и в первую голову обслужить передовиков.

С каждой минутой Стратон нравился мне всё больше. И, желая сказать ему приятное, я заметил:

— А сельмаг у вас отличный! Игрушка!

Стратон остановился, на его моложавом ещё лице заиграла широкая улыбка, морщины вокруг глаз растаяли.

— Почти семьсот тысяч стоил магазин. А за ним в тылу ещё буфет имеется, и парикмахерскую заканчиваем. А как же! Культура не ждёт! Она стучится и в село! Вот, например, того же Герасима Саввича буквально силой заставили раздобыть на базе в городе пять штук пианино. Саввич долго сопротивлялся... А привёз эти пианино и не успел сгрузить, как сразу появились двадцать покупателей. Вот каков «Маяк»!.. Запишите этот факт, он вам пригодится.

Навстречу нам двигался высоченный воз сена. При повороте с воза упал клок. Возчик замедлил ход и сполз на землю. Стратон внезапно насупился и сердито крикнул возчику:

— Федька! У тебя социалистическое сознание есть?

— Как вы сказали? — непонимающе отозвался рыжеватый парень.

— Слушать надо! Нет у тебя социалистического сознания! Клок сена упал, а ты...

— А я его, видишь, подымаю, — невозмутимо огрызнулся возчик.

— Не надо было ронять, не пришлось бы и подымать... — не унимался Стратон.

Глубоко вздохнув, Стратон продолжал возмущаться:

— Есть, видите, и такие! А ещё комсомолец! А вот вам, пожалуйста, другой примерчик: видите, что посреди двора в фанере лежит? Новая силосорезка, последней моды. И безо всякого движения...

Мы подошли поближе. Из кладовой вышел человек с гаечным ключом в руке.

— Елисей Иванович! — упрекнул его Стратон. — Человек ты как будто сведущий, сознательный, передовой... Почему же силосорезка до сих пор не установлена на положенное ей место? Где же твоя забота? А ещё с ключами ходишь!

Елисей Иванович недовольно пробормотал, что ждёт, мол, механика из МТС, так как сам не справится.

— Зачем вам механик? Вот я при корреспонденте говорю, что все вы разом можете за это попасть в орган печати, посмотрите!

Своей неизбывной энергией и непримиримостью к недостаткам Стратон покорил меня окончательно. Мы присели на скамейке у небольшого сада. Стратон не переставал возмущаться нерадивыми людьми, которые ещё не перевелись даже в таком передовом колхозе, как «Маяк». Всех он знал и всё знал, что, где и как делается. Признаться, в те две — три минуты, пока Стратон, скручивая цыгарку, открыто делился своими думами о непорядках в колхозе, я про себя почти окончательно решил: «Быть очерку о Стратоне! Ведь такой председатель для журналиста — находка!»

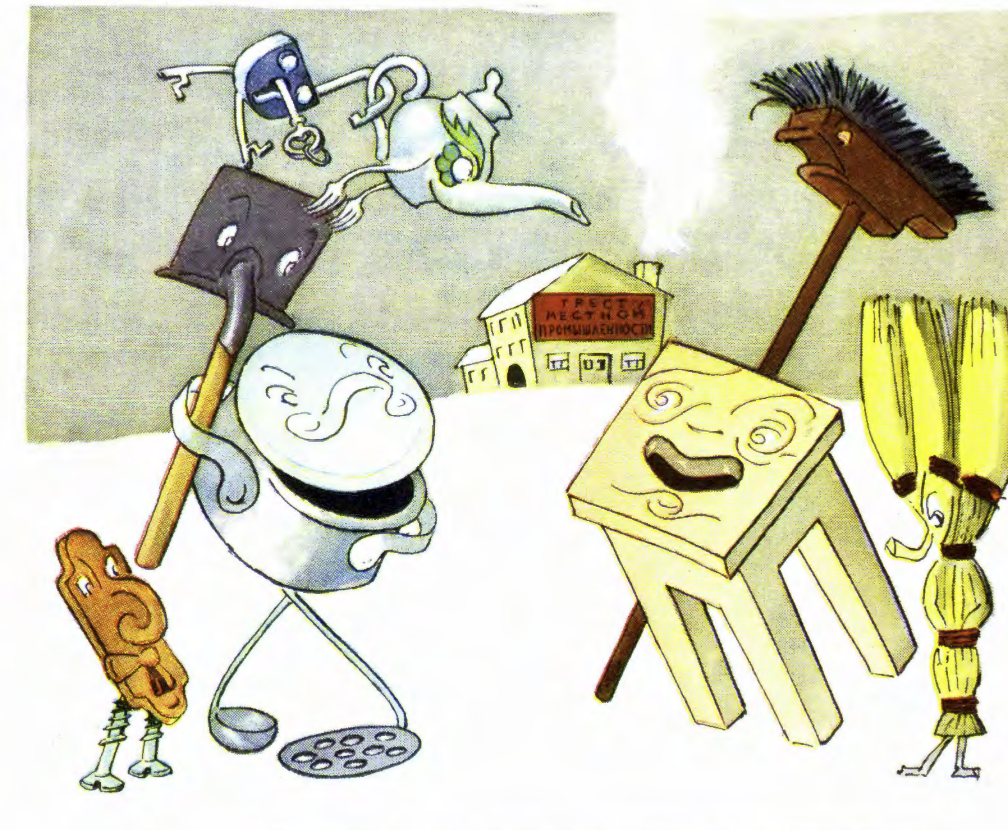
— Взять хотя бы нашу почту, — продолжал Стратон. — Хороший там есть парень, Прошка, по два — три раза на день развозит на велосипеде всякую корреспонденцию. Сотни полторы газет в том числе. Здорово, правда? Вы себе и этот факт запишите в блокнот... Но двух пастухов он всё же подпиской не охватил. Я уже ему на это указал.

Окутав нас дорожной пылью, мимо пронёсся «газик». Я едва успел разглядеть сидевшую в машине рядом с шофёром солидную женщину. Мой собеседник неожиданно почему-то смутился, помрачнел.

— Вот что, дорогой гость, — сказал он, — у вас, я вижу, во рту маковой росинки не было. Прошу вас в контору, а я, стало быть, сорганизую обед... Договорились?

И не успел я оглянуться, как Стратон исчез в переулке, я же направился в контору. На скамеечке сидел какой-то незнакомый пожилой колхозник.

Рисунок М. БИТНОГО.

— Скажите, а что делает местная промышленность!
— Не знаем, мы тоже нездешние...

— Кто это к вам пожаловал? — спросил я, кивнув в сторону «газика», стоявшего у конторы.

— Наша головиха прибыла.

— Какая такая «головиха»?

— Ну, Одарка Филипповна, председатель колхоза.

Я стал в тупик.

— Позвольте, а кто же такой Стратон? Я думал...

— Стратон? — переспросил колхозник. — Никто.

— Как это «никто»? А кем же он в колхозе работает?

— Никем. Работает его жена, работают две дочери, и сын работает прицепщиком. А Стратон слоняется с утра до вечера по селу и скуки ради сам себе нашёл работу: вроде как бы сопровождает приезжих. И болтает почём зря. Никакая критика его не берёт.

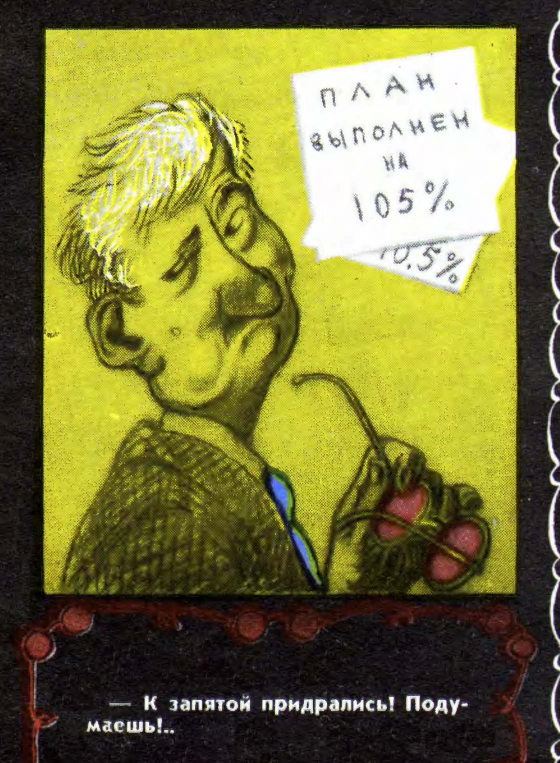
Я оглянулся в ту сторону, куда исчез Стратон, но он упорно не показывался.

Перевод с украинского Е. ВЕСЕНИНА.

Рисунки К. РОТОВА.

Николай КАТКОВ

Петух-уполномоченный

Послали Петуха в район
Создать на севе
напряженье.
Хоть мало в севе смыслил он,
Да что же делать: порученье!..
Вот стал он обходить поля.
— Так-так! Мягка у вас земля,—
Тут поработали вы!
Но
Зачем в земле зерно!
Зачем его скрывать от глаз,
Я спрашиваю вас,
Чтоб я иль кто другой копался?!.
И раскудахтался! И раскричался!
Всех в бестолковое привёл движенье.

Но если молвить, правду не тая,
Петух на севе создал напряженье.
Какое ж!
Нервное, друзья!

г. Пенза.

Михаил АРТИЩЕВ

Про тень

Однажды в летний ясный день
За Человеком следовала Тень.
Не отстаёт никак. И ну взялась
хвалиться:
— Как я тебе верна! Куда ты ни иди,
Всегда я сбоку или позади.
Друзьям твоим со мною
не сравниться.
— Всё это так, но отчего же, —
Ей Человек сказал в ответ,—
Со мной ты ходишь только в день
погожий,
А в дни ненастные тебя со мною нет!

Вернее узнаёшь в ненастный день,
Кто друг, а кто всего лишь тень.

Колхоз имени Мичурина.
Чкаловская область.

Владимир АЛЕКСЕЕВ

Секрет сохранения молодости

Мой друг!
Когда в кудрях твоих
Заблещут волосы седые,
Стань стихотворцем!..
В тот же миг
Тебя зачислят в «молодые»!
И тут,
поверь словам моим,
Ты долго
будешь молодым!

г. Ленинград.

Микола БИЛКУН

Директор совхоза «Золотая левада» Михайло Карпович Гладенький — человек уравновешенный. Он никогда не кричит на своих подчинённых, не ругается. Вот и сейчас стоят перед ним двое: завхоз Пустоверх и шофёр Давило-Гусятинский. По ним видать, что виновны. Другой начальник распёк бы их так, что стёкла дрожали бы. А Михайло Карпович — нет. Только мрачно качает головой. И второй уже час взывает к их совести:

— Говорим мы, товарищи, о бдительности, о добросовестном отношении к своим обязанностям, и всё точно горохом об стенку. Ну куда же это годится? Вы, дорогие мои, оказались настоящими ротозеями. А мы с ротозейством боремся, клеймим его...

Давило-Гусятинский не возражал. Он смотрел куда-то в уголок кабинета и с шофёрским терпением пережидал ливень директорской морали, как привык пережидать дождь. Наконец директор умолк, глубоко вздохнул и милостиво разрешил Пустоверху рассказать, как было дело.

* * *

А дело было так.

Утром Пустоверх и Давило-Гусятинский поехали в город. Помимо разных текущих дел, у них было одно поручение оперативного, так сказать, порядка — надо было отвезти на квартиру к Семёну Семёновичу большую корзину совхозного винограда... Кто такой Семён Семёнович? Семён Семёнович... Ну, одним словом, у директора совхоза Гладенького были все основания считаться с мнением Семёна Семёновича...

Выслушав приказ директора, Пустоверх понимающе кивнул головой и записал адрес. Вдвоём с шофёром они погрузили на машину здоровенную корзину винограда и тронулись в путь. Приехали в город. Нашли нужную улицу, остановились у красивого трёхэтажного домика. Пустоверх ещё раз заглянул в бумажку.

— Тут!

Кряхтя, понесли по лестнице корзину. Она была довольно-таки тяжёлая. Пока донесли до второго этажа, даже чубы взмокли. Запыхавшись, остановились перед дверьми одной квартиры. Пустоверх нажал кнопку. Дверь открыла гражданка в цветном халатике. Она смерила их с ног до головы и раздражённо спросила:

— В чём дело?

Пустоверх коснулся пальцем своей кепки и сделал вид, будто собирается любезно улыбнуться:

— Тут вам из совхоза «Золотая левада» корзину винограда передали. Директор наш, Михайло Карпович Гладенький...

Гражданка в халатике милостиво разрешила внести корзину на кухню. Ещё раз коснувшись пальцем козырька, Пустоверх сказал «до свидания» и вышел. За ним, топая сапогами, поплёлся Давило-Гусятинский. На лестнице оба они с облегчением вздохнули: важное поручение было выполнено. Давило-Гусятинский вынул из кармана папиросы. Пустоверх вытер платочком вспотевший лоб, и в это мгновение глаза его остановились на номере квартиры...

— Стой, стой! — Пустоверх схватился за бумажку с адресом, посмотрел и чуть не застонал.— Да мы же не в ту квартиру отнесли! Читай: «дом № 23, квартира 12», — а мы в десятую попали.

— Ну-у? — даже присел шофёр.

— Вот тебе и ну! — Пустоверх уже нажал кнопку. Им снова открыла та же самая гражданка в халатике...

— Что там ещё?

Пустоверх не знал, как начать, и мялся. Гусятинский осторожно кашлял в кулак.

— Видите, мадам,— отважился наконец Пустоверх,— вышла маленькая неувязка, так сказать... Случайно в вашу квартиру занесли... Просим прощения, но...

— Никакой ошибки тут не произошло! — Мадам передёрнула плечами. — Что за глупые шутки! — И снова хлопнула дверью. Пустоверх отскочил от двери и развёл руками.

— Видел? Ну, что теперь делать?

— Позвони ещё раз.

Пустоверх позвонил, но за дверью царила мёртвая тишина.

— Поедем в милицию заявим! — решительно предложил Давило-Гусятинский. Но Пустоверх только горько усмехнулся и выразительно покрутил пальцем у шофёрского лба.

— Эх, ты, голова с двумя ушами!

* * *

В субботу посреди совхозного двора остановилась светлосерая «Победа», и из неё вышел сам Иван Иванович. Тот Иван Иванович, о котором даже Семён Семёнович говорит, что «под руководством Ивана Ивановича мы достигли больших успехов и будем их достигать, пока Иван Иванович будет нами руководить».

Гладенький долго жал пухлую руку Ивана Ивановича, изображая на лице невыразимую радость. Потом они пошли осматривать хозяйство. Иван Иванович всюду ходил, всё осматривал, обо всём расспрашивал. И будто остался доволен работой совхоза вообще и руководством Гладенького в частности. Уже садясь в машину, Иван Иванович спросил Гладенького:

— А как вы узнали, что я переехал на Садовую?

Гладенький едва не сболтнул, что ничего не знает о переезде уважаемого Ивана Ивановича, но во-время сдержался. Даже загадочно улыбнулся. Иван Иванович шутливо погрозил пальцем:

— Тут вы проявили оперативность, как нигде. А на работе вы такой же оперативный?

— Да я... Да мы стараемся...

— Ну-ну! Бывайте! Будете в городе — заезжайте по-простому, без всяких церемоний. Знаете ведь, где я живу? В одном доме с Семёном Семёновичем, он в двенадцатой, а я в десятой квартире.

«Победа» фыркнула на Михайла Карповича синеватым дымком и покатила в город. А он ещё долго стоял посреди двора, потирал лоб и раздумывал: «И как это оно так хорошо получилось, что корзина винограда попала именно к Ивану Ивановичу? Счастливый случай или что? Эх, знать бы, я ещё и бочоночек вина передал бы! Ну, теперь буду знать».

Гладенький решительным шагом направился к себе в кабинет, но посреди дороги остановился и снова потёр лоб. «А что, если это не просто счастливый случай? А что, если проклятый Пустоверх дознался, что Иван Иванович переехал на Садовую, и хочет выслужиться раньше меня? Выходит, не он, а я оказался ротозеем...»

И Михайло Карпович не мог уже успокоиться до самого вечера.

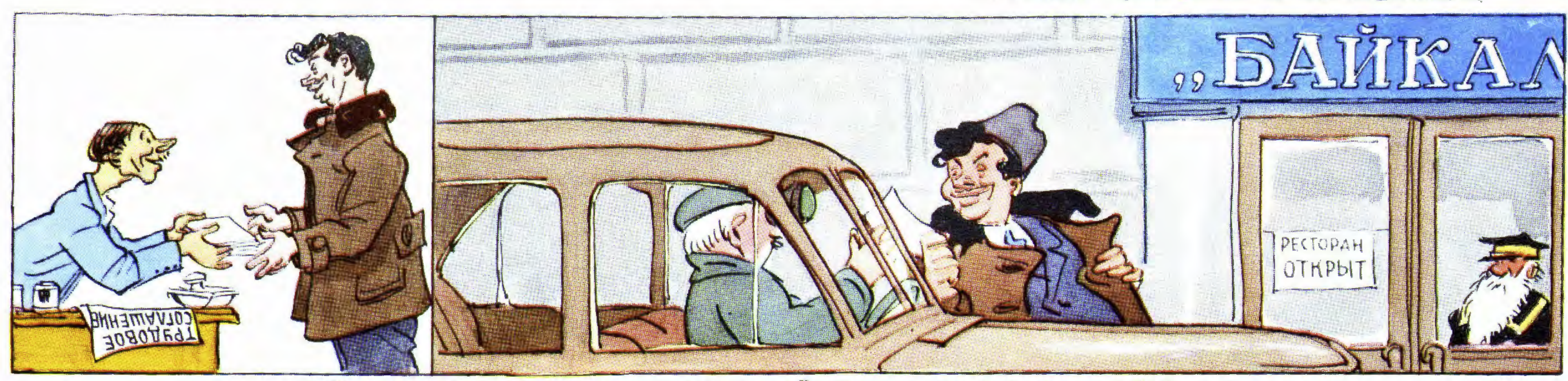
г. Винница.

Перевод с украинского.

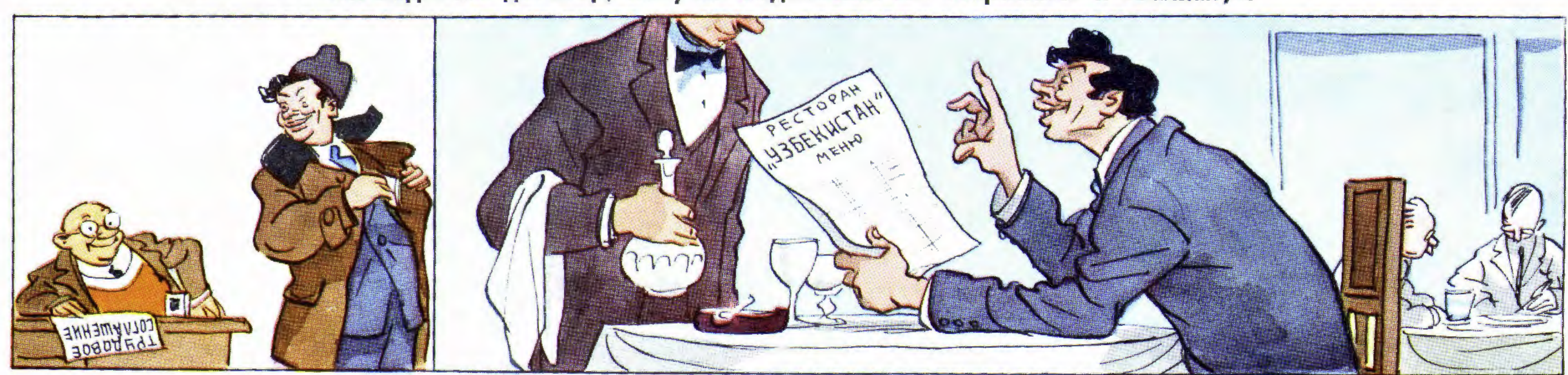
На этой странице помещены произведения участников всесоюзного и украинского совещаний молодых писателей.

Рисунок И. СЕМЁНОВА.

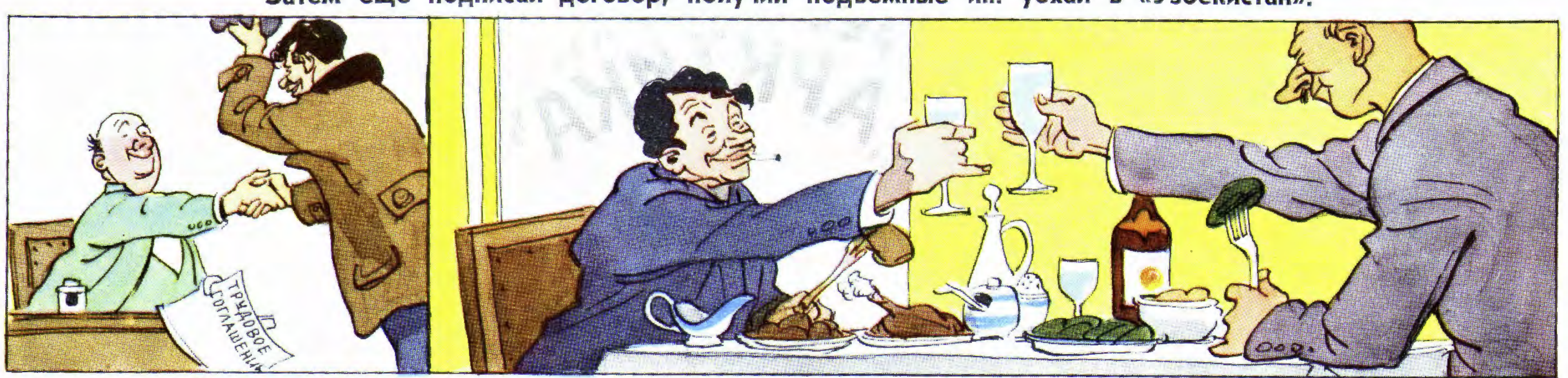
Уполномоченные по организованному набору рабочей силы часто заключают договоры со случайными лицами, не выполняющими взятых на себя обязательств.

Он подписал договор, получил подъёмные и... отправился к «Байкалу».

Затем ещё подписал договор, получил подъёмные и... уехал в «Узбекистан».

Потом ещё раз подписал договор, получил подъёмные, и... его уже видели в «Арктике».

. . . .

Надежда ЧЕРЕПАНОВА

ПОЭТ И БОГИ

Давно не требовал поэта
К священной жертве Аполлон.
Придёт к поэту до обеда —
Поэт вкушает хладный сон.

Пылится лира под диваном,
Не сходит ржавчина с пера.
Дивится бог: довольно странно,
Сегодня то же, что вчера...

Придёт под вечер — неудача:
Замок; поэта дома нет.
Не то в кино, не то на даче,
Поди сыщи поэта след!

А может, дикий и суровый,
Сбежал поэт, смятенья полн,
В широкошумные дубровы,
На берега пустынных волн!

Вздохнёт, бывало, бог уставший,
И так случалось, что не раз
Он шёл не солоно хлебавши
К себе обратно на Парнас.

Превыше долга чувства нету,
И Аполлон на этот раз
К неуловимому поэту
Идёт в довольно поздний час.

Ура! Везёт сегодня богу:
В окне поэта яркий свет.
Забыв усталость и тревогу,
Стучит:
— Открой скорей, поэт!

— Ну, кто там! —
голос недовольный,
Поэт не очень гостю рад.
Открылась дверь — и — ах! —
невольно
Отпрянул Аполлон назад.

Не может вымолвить привета
Ошеломлённый Аполлон:
В обнимку с Бахусом поэта
Перед собою видит он.

И бог, обиженный смертельно,
Сказал:
— Прощай, мой друг поэт,
Где Бахус правит безраздельно,
Там Аполлону места нет!

г. Чебоксары.

ПОСЛЕ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА.

Золотых дел мастера

Владимир ИВАНОВ

Улитушка

— Где, Улитушка, была!
— В цехе я одном гостила,
Вместе с графиком ползла.
До чего же тихо было
До двадцатого числа!
После — шум и суматоха!..
Но до этого неплохо
Две декады провела.

— Ну, а где ещё была ты!
— У конструкторов в гостях.
— Разговор о чём вела ты!
— О высоких скоростях.
Я новинки там внедряла
Обработки скоростной.
— А внедрила сколько!
— Мало.
— А точнее!
— Ни одной.

— А ещё ты где была!
— В мир искусства заползла.
Я была у режиссёра.
Скоро,
СКОРО,
С К О Р О,
С К О Р О
Даст новинку мой родной.
Обещает энергично,
А работает обычно
Он в содружестве со мной.
Так спешим,— спина вся взмокла,
Репетируем Софокла!

— Где ещё была, Улита!
— На строительстве одном.
Обсуждала деловито,
Почему так дорог дом.
Деловито повторила
То, что летом говорила:
«Повышать, прораб, изволь
Механизмов всяких роль!
Нужно с ними жить нам дружно!» —
Подчеркнула я опять.
А для этого их нужно
Из-под снега откопать.

Выступала
Очень смело:
«Надо! Нужно! Мы должны!»
— Откопала!
— Не успела,
Отложила до весны.

— Что же делала ещё ты!
— Велики мои заботы,
Извинения прошу,
Очень занята! Спешу!

Хорошенько посмотрите,
Проследите: вдруг у вас
Тоже, может быть, Улите
Дали экстренный заказ,
Порученье,
Предложенье
И проверку исполненья!
Иногда, глядишь, Улита
Даже лаврами увита!

г. Ленинград.

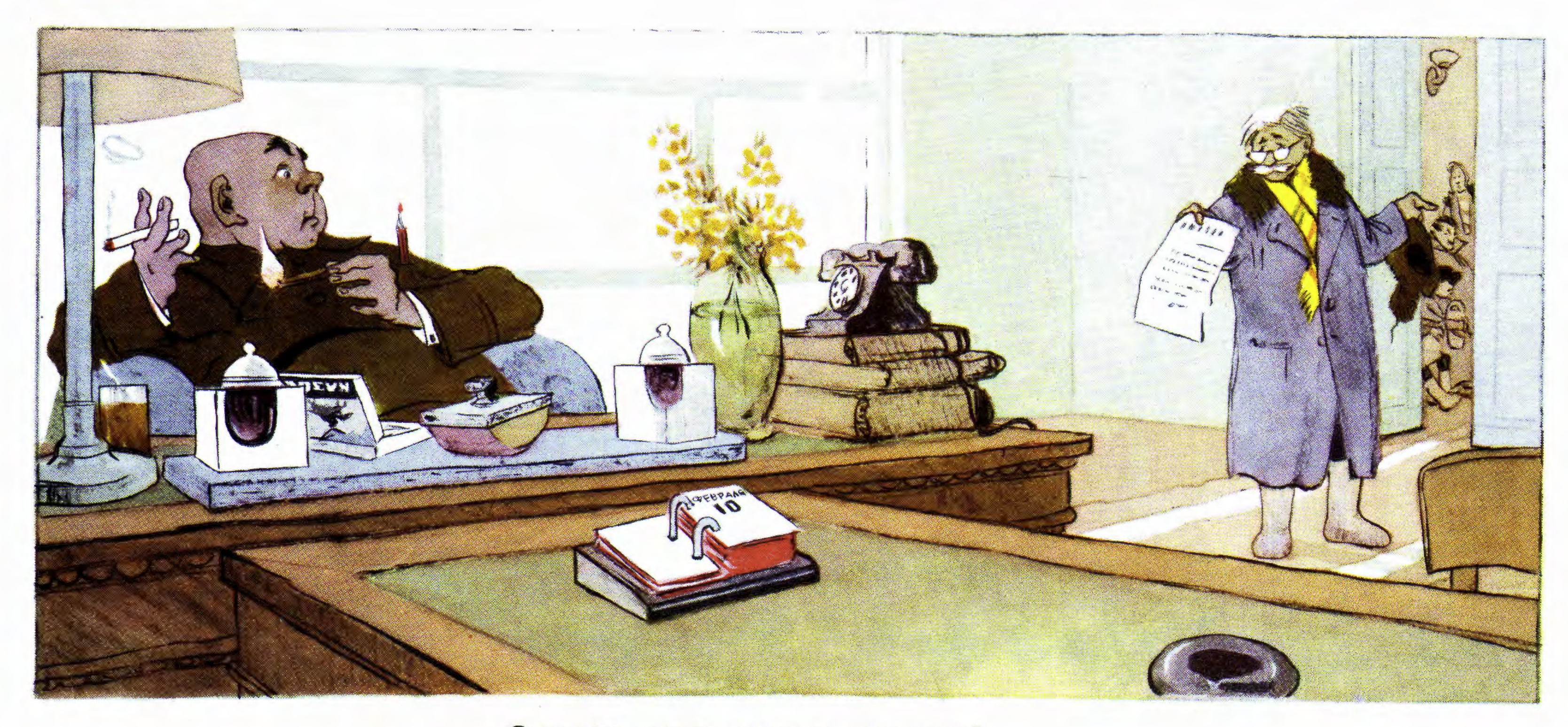
ПОСЛЕ ЗАЩИТЫ ДИССЕРТАЦИИ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

— Что ты наделал!!
— Ничего особенного. Папа сказал, что теперь это никому не нужно.

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

— С новым годом, товарищ начальник!
— Поздно хватились! Где ж вы раньше-то были!!!
— У вас в приёмной...

ТОРГОВЦЫ СТРАХОМ

В американской оперетте «Роз-Мари» действует полицейский сержант, который страстно мечтает сделать карьеру и с этой целью поминутно возносит к небу одну и ту же молитву:

— Пошли мне, господи, кошмарное преступление!

Сержанту не везло: сенсационного преступления в его околотке, как назло, не происходило.

В таком же невесёлом положении оказался американский журналист Эрик Тарнли. Он страстно хочет выдвинуться. И вот наконец Эрику Тарнли представился случай отличиться. Босс предложил ему написать статью, которая доказывала бы, что борьба за мир — это не что иное, как... кошмарное преступление коммунистов. И надо было написать так, чтобы до полусмерти напугать читателей.

«Нелёгкая задача»,— умозаключил Эрик, выкурив от волнения целую пачку сигарет.

Здравомыслящим людям, которые, как известно, составляют подавляющее большинство населения США, не так-то просто втолковать. что мир страшнее войны и что мёртвые наслаждаются жизнью больше живых.

Но Эрик Тарнли — бывалый парень.

— Рад стараться! — браво говорит он и срочно сочиняет для журнала «Американ меркьюри» статью под заголовком «Бедствие впереди».

Пугать так уж пугать! Тарнли силится придать каждой фразе зловещее выражение. Он делает вид, будто потрясён до глубины души и скорбит, предчувствуя страшные бедствия, готовые обрушиться на головы несчастных американцев.

— А знаете, друзья,— говорит он читателям,— плохо наше дело! Дьявольская опасность подстерегает нас с вами. Идёт непристойная борьба английских, французских и американских торговцев за торговлю с коммунистическими странами.

Эрик Тарнли чувствует, однако, что читателей он этим ничуть не напугал. Скорее наоборот. Ведь каждый честный американец сегодня ответит:

— Торговать? Вот хорошо! Лучше торговать, чем воевать.

Тарнли начинает понимать, что он, чего доброго, может попасть в положение человека, который пугает, а те, кого он хочет напугать, только радуются, слушая его доводы.

«Ну, хорошо,— раздражённо думает Эрик Тарнли,— погодите, голубчики, сейчас я на вас такого страха напущу, что вы запоёте по-другому!»

— А знаете ли вы,— говорит он с трагическими нотками в голосе,— что экономика коммунистических стран серьёзно укрепляется?

Однако Тарнли торжествует недолго. Он чувствует, что опять никого не напугал. Ему давно известно, как интересует экономический рост СССР среднего, да и не только среднего, американца.

— Вот и прекрасно! — ответят они ему.— Интереснее торговать с такими странами, чья экономика расцветает. А иначе какая же получится торговля?

Эрик Тарнли начинает волноваться. Что бы, в самом деле, такое придумать пострашнее?.. Наконец ход найден. Тарнли возглашает:

— А знаете ли, легкомысленные вы люди, о кошмарном заговоре? Ставится вопрос о том, чтобы мы обменялись с Россией техническими данными в области атомной энергии!

Нет, и тут не получится страха! Такое заявление вызовет среди читателей, наоборот, весёлое оживление.

— Чудесно! — скажут они.— Лучше обмениваться техническими данными, чем бросать друг в друга атомными бомбами. Спасибо, старина Эрик! Обрадовал приятными вестями!

Эрик Тарнли боится, что этак ему, пожалуй, не прославиться.

От волнения пропагандисту Тарнли явно изменяет самообладание. И, желая во что бы то ни стало отличиться, он начинает вести себя неприлично. В ярости он окрестил всех сторонников мира людьми, которые опились «водкой мирного сосуществования». В состоянии аффекта он громит американские министерства и учреждения, называя их «объектами проникновения красных». Такими крамольными объектами, по словам расстроенного Эрика, стали даже... министерство обороны, комиссия по атомной энергии, Центральное разведывательное управление, Национальный совет безопасности. Тарнли готов обвинить в предательстве большинство интеллигентов США, фельетонистов и комментаторов. Почему они не славословят политику «с позиции силы»?

— Многие американцы,— вопит он,— попрежнему будут выступать за умиротворение, когда начнут падать управляемые снаряды и предатели станут вонзать ножи в наши спины!

Однако, прочитав писания Тарнли, любой американец, находящийся в здравом рассудке, смекнёт:

— Как могут падать управляемые снаряды, если будет обеспечено мирное сосуществование? Старина Эрик, видно, совсем зарапортовался.

Боясь, что все его самые отборные кошмары-люкс не подействуют, Тарнли от расстройства чувств совсем теряет душевное равновесие и... проговаривается. И тут сразу становится всё понятным. Оказывается, Эрик Тарнли так бурно восстаёт против мирного сосуществования только потому, что жаждет войны. Он требует завоевания стран народной демократии и насаждения в них капиталистических порядков.

Увидев свою статью в печати, Тарнли терзается сомнениями:

«Как же всё-таки я? Отличился или не отличился?»

Он следит за читателями журнала. Пугаются они или не пугаются? Увы, большинство из них перелистывает статью, не осилив и половины её, а тот, кто и добирается до заключительного абзаца, сердито отбрасывает журнал и говорит:

— Опять эта надоевшая песенка из репертуара «холодной войны»!

Встревоженный Эрик Тарнли идёт к боссу: может быть, тот оценит наконец его старания. Он ли, Эрик, не пугал людей из последних сил!

И тут Тарнли видит человека, действительно поражённого страхом. Босс сидит бледный, а в руках у него газета, сообщающая о том, что народы всё более и более решительно поднимаются в защиту мира.

Юр. ЧАПЛЫГИН

ПОЧЕМУ МОЛЧИТ БЕНТ ХЕНИУС

Бенту Хениусу было грустно.

Стояла поздняя осень. Хениус сидел на скамейке в парке. Прекрасный парк! Он почти не изменился. Хениусу казалось даже, что он узнаёт деревья. Сколько раз, помнится ему, он прогуливался под ними, предаваясь радужным мечтам!

Хениус встал и пошёл вглубь аллеи. Навстречу ему попалась девушка с комсомольским значком. И парк сразу стал чужим. Нет, всё изменилось в Риге с тех пор, как Бент Хениус покинул её много лет назад, покинул поневоле и очень торопясь, хотя торопливость совершенно не шла к лицу директору рижского отделения американской нефтяной компании.

Директор рижского отделения!.. А теперь Бент Хениус — всего лишь сотрудник копенгагенской газеты «Берлингске тиденде», в Риге же — всего лишь турист.

Хениус задержался перед вывеской, обыкновенной вокзальной вывеской: «Справочное бюро».

А не начать ли именно с неё свои путевые впечатления, заказанные редакцией?

Неплохая мысль! Хениус сфотографировал вывеску, затем вынул записную книжку и начал считать.

Где-то рядом кричали паровозы. На вокзал спешили пассажиры. Хениус делил, умножал и вычитал.

Вывеска была на русском языке. Мимо неё и мимо Хениуса прошли пятьдесят человек. Только пятнадцать из них ознакомились с её содержанием, иными словами, примерно тридцать процентов. Остальные проследовали мимо, не задерживаясь. «А это кое-что да значит...»

Экс-директор рижского отделения американской нефтяной компании склонился над своей записной книжкой.

После возвращения группы датских туристов из Советского Союза на родину в газете «Берлингске тиденде» появилась серия статей Бента Хениуса. Эти статьи вызвали серию вопросов к автору со стороны его товарищей по поездке в Советскую Латвию.

— Откуда вы взяли,— спрашивали Хениуса,— что семьдесят процентов населения СССР против Советской власти? Каким образом вам удалось сделать сей смехотворный вывод? Неужели вокзальная вывеска, написанная по-русски, заставила вас серьёзно уверять датских читателей, что в Латвии проводится политика «руссификации»? Разве вы не слышали постоянно и повсеместно вокруг себя латышскую речь? И почему это вы не заметили рядом со злополучной вывеской другую, как говорят дипломаты, аутентичного содержания, но на латышском языке?

Как видим, Хениусу задали много вопросов. Последний из них, в частности, исходил от Добы Касинской, латышки по национальности, посетившей Советский Союз вместе с Хениусом.

Бывший директор рижского отделения американской нефтяной компании молчал.

Г-жа Касинская послала свои замечания по поводу статей Хениуса в «Берлингске тиденде», то есть туда, откуда они вылупились на свет.

Редактор «Берлингске тиденде», преданный высоким идеалам свободной, демократической, объективной, правдивой и т. п. прессы, отказался опубликовать эти замечания. Они были помещены на страницах прогрессивной газеты «Ланд ог фольк».

На вечере в Копенгагене, созванном Обществом сотрудничества между Данией и СССР и посвящённом первой поездке датчан-туристов в Ригу и Ленинград, было решено отнести статьи Бента Хениуса к разряду скандальных дорожных происшествий, достойных презрения.

Присутствовавший на вечере Хениус молчал.

Зато вскоре заговорили копенгагенские газеты «Дагенс нюхедер» и «Сосиал-демократен». Они обрушились на известного датского кинооператора Клеменсена за то, что в его интересном и объективном фильме о Советском Союзе, снятом во время того же посещения Риги и Ленинграда, нет антисоветских «сенсаций» и «разоблачений».

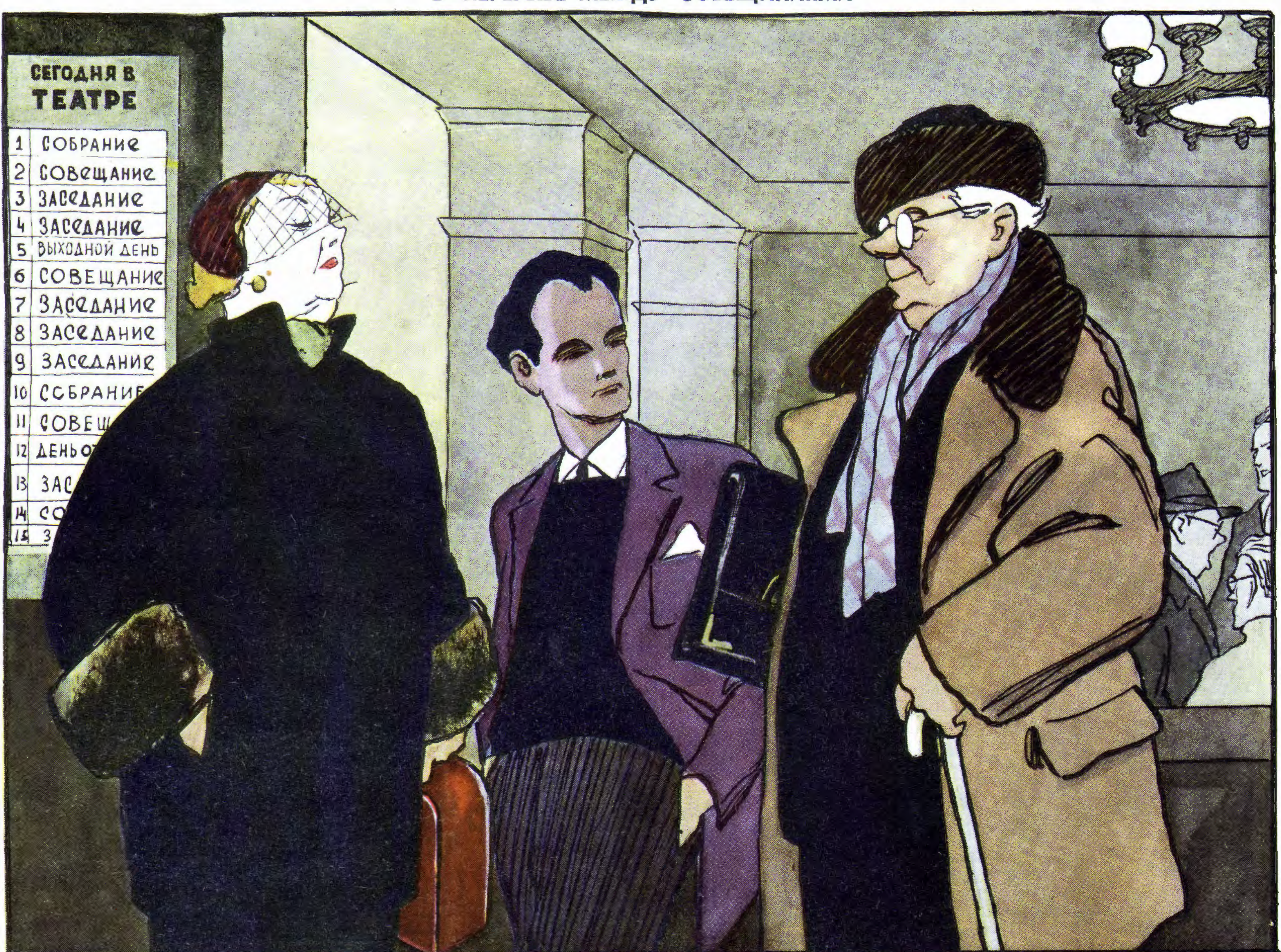
Чего требуют от Клеменсена, уже получили от Хениуса...

Бент Хениус знает, почему он молчит!

П. ЕВГЕНЬЕВ

В ПЕРЕРЫВЕ МЕЖДУ СОВЕЩАНИЯМИ

Рисунок Бориса ЛЕО.

— Великий артист Щепкин сыграл более тысячи ролей...
— А когда же он заседал!

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

ЕДИНСТВЕННАЯ ПОБЕДА ДИРЕКТОРА ЗАВАЛИШЕНСКОЙ МТС

Рейд «Крокодила» и газеты «Гудок»

Необычайное путешествие Д. М. Калабухова

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Итак, решено! Он отправляется в путь! Неутолимая жажда путешествия делает движения Дмитрия Митрофановича Калабухова быстрыми и порывистыми. Привычным жестом накидывает он тёплое зимнее пальто с каракулевым воротником и аккуратно застёгивает на все пуговицы.

Дмитрий Митрофанович едет на одну из пригородных станций. Прощай, Челябинск! Впереди 20 тысяч метров пути.

Калабухов решительно распахивает дверь, окидывает комнату прощальным взглядом и энергично шагает через порог...

ЛИЦОМ К СТИХИИ

Свирепо свистел ветер, крутя и разбрасывая хлопья снега. Казалось, он дул сразу с четырёх сторон. Снег набивался за воротник, слепил глаза. Дмитрий Митрофанович поёжился, притопнул и оглядел окрест себя пустынную привокзальную площадь, освещённую несколькими фонарями. За стеной снегопада, словно призраки, сновали продрогшие пассажиры. Калабухов почувствовал невольное волнение: с этой минуты и он был уже не просто гражданин, житель города Челябинска, а путешественник, пригородный пассажир!

Вой ветра усилился. Дмитрий Митрофанович ощутил, что он коченеет, замерзает. Нет, этого нельзя допустить! Рысцой, подпрыгивая на ходу, чтобы хоть немного согреться, он направился к вокзалу, предназначенному для «дальних» пассажиров.

УБЕЖИЩЕ НАЙДЕНО!

Любопытное зрелище предстало перед путешественником, вошедшим в вокзал. Кругом было море бесчисленных голов. Люди стояли, сидели, лежали. Они говорили, пели, молчали, ели, спали. Но здесь было тепло... Да, это — настоящее убежище от мороза!

Через несколько минут Дмитрию Митрофановичу пришлось стоять на одной ноге: вторую поставить было некуда. Терпение и силы уже покидали героя, как вдруг голос из репродуктора, показавшийся Калабухову бесконечно милым и родным, объявил посадку на поезд.

ОПАСНЫЕ ТРОПЫ

Поезд стоял на седьмом пути. А это означало, что пассажирам надо преодолеть шесть путей. Едва Дмитрий Митрофанович вместе с другими пассажирами ступил на платформу, как из репродуктора раздалось грозное предупреждение:

— Граждане пассажиры, будьте осторожны: по первому пути проходит паровоз! Повторяю...

Шипя и фыркая, по рельсам прокатило железное чудовище.

Едва Калабухов успел подбежать ко второму пути, как снова из репродуктора раздалось зловещее:

— Граждане пассажиры, будьте осторожны! На второй путь прибывает скорый поезд!..

На третьем пути стоял длиннющий, чуть ли не километровый грузовой состав. Граждане пассажиры, забыв об осторожности, смело бросились под вагоны со своими мешками и чемоданами. Дмитрий Митрофанович, будучи отважным путешественником, тоже бросился под вагон и ползком, на руках, преодолел трудный участок.

И снова голос из репродуктора:

— Граждане, будьте осторожны: по четвёртому пути движется электровоз!..

Однако настоящие злоключения начались после пятого пути. Из царства света наш герой попал в царство теней: кончились освещённые платформы. Кто-то больно толкнул Дмитрия Митрофановича в бок углом чемодана, кто-то подталкивал сзади. Калабухов сделал отчаянный шаг вперёд, в темноту и... ощутил всем телом поверхность платформы: она была неровная, покрытая высокой конусообразной горкой льда.

— Что за чёрт! — вырвалось у нашего героя невежливое слово.— Не могут даже платформы очистить ото льда!

Однако философствовать в лежачем положении не очень удобно. Дмитрий Митрофанович поднялся, сделал два шага и снова упал. Но недюжинная сила воли, стремление двигаться только вперёд помогли ему. И вот герой уже в вагоне...

ПОЛЮС ХОЛОДА

Сквозь таинственный полумрак Калабухов оглядел вагон. Он был пуст и неуютен. Стены покрыты инеем. Дмитрий Митрофанович зябко повёл плечами: на улице 20—25 градусов, а здесь все пятьдесят! Арктический мороз забрался в рукава и, как хозяин, стал гулять по телу Калабухова. Герою стало тоскливо. Он встал и совершил по проходу согревательный танец. Тепло не приходило. Дмитрий Митрофанович совершил маленькую пробежку по вагону. Пробежал ещё и ещё раз. Не помогло.

— Вперёд! — воскликнул отважный путешественник и бросился искать спасения в соседнем вагоне.

СУДЬБА ОСТАЛАСЬ НЕРАЗГАДАННОЙ...

В соседнем вагоне было жарко, как в бане. Людей здесь — видимо-невидимо. Ещё бы: этот вагон отапливался!

...Остановка. Пассажиров поубавилось, и путешественник осмотрелся. Глаза его вдруг встретились с пронзительным взглядом старухи-гадалки с колодой карт в иссохшей руке. Заметив его взгляд, она сверкнула очами, ловко выплюнула на пол цыгарку и протиснулась к Калабухову:

— Милый-дорогой, давай булочку или денежку: я тебе судьбу предскажу!

Булочки у Дмитрия Митрофановича не было, а денежка была нужна ему самому. И он вежливо отказался. Гадалка некультурно выразилась и отправилась по вагону в поисках денежки.

ЗРЯЧИЙ СЛЕПОЙ

В тот же миг с другой стороны к Дмитрию Митрофановичу подошёл юный «слепец» атлетического сложения и сказал сиплым голосом:

— Подай рубля два — лучше будет!

Герой прижался к стенке, но «слепец» всё же успел ловко наступить ему на ногу подкованным сапогом. Потом он зловеще подмигнул Калабухову и погрозил кулаком.

— Безобразие! — воскликнул путешественник, полный благородного негодования (ноге было очень больно).— Где проводник?

— Проводников здесь не дощешься! — успокоили Дмитрия Митрофановича соседи.— Вот и ходят разные проходимцы...

ДА ИЛИ НЕТ!

Гадалка тем временем закончила обход, вернулась на своё место и спокойно свернула новую цыгарку. Она презрительно взглянула на нашего героя и пустила ему в лицо струю едкого махорочного дыма. Не подействовали на неё ни протестующие возгласы окружающих, ни табличка над головой: «Курить воспрещается». Дмитрий Митрофанович не выдержал и стал пробиваться в противоположный конец вагона.

Здесь сидела развесёлая компания картёжников.

— Чего смотришь? — любезно обратился один из них к Дмитрию Митрофановичу.— Деньги есть — садись с нами. А нет — так беги отсюдова!

Неутомимый путешественник разумно избрал последний вариант и поспешил перебраться в следующий вагон.

МУКИ ЖАЖДЫ. ЖАЖДА МЕСТИ

Тут было темно и спокойно. Калабухов нащупал свободное место. Тишина нарушилась лишь приходом продавца пошлых открыток. Он бесцеремонно растолкал задремавших пассажиров, но особых коммерческих успехов не добился.

Дмитрию Митрофановичу вдруг страшно захотелось пить.

— Скажите, а где здесь можно попить? — спросил он симпатичного старичка-соседа.

— Э, мил-человек, да ты, видно, в первый раз едешь! Нет здесь воды ни в одном вагоне, кроме детского. Проводники говорят: «Не положено!» Эх, подать бы сюда начальника, который все эти порядки-непорядки делает! Хоть и старый я, а...

В добродушных глазах старика мелькнули злые огоньки.

— А как на нашей станции посадка происходит?! — поддержал его другой спутник.— Платформ никаких нет, нижняя ступенька у самого подбородка, а поезд почти и не стоит. Как тут женщина с ребёнком или инвалид сядет? Да и не только это у нас: почти на всех станциях дороги.

— Вот-вот, я и говорю: начальника бы сюда! — повторил старик.

ФАБРИКА ЗАЙЦЕВ

Беседа нарушилась внезапным приходом ревизоров.

— Ваш билет? — обратился один из них к старику.

— Да я на нетарифной станции сел — на Локомотивной. Нету у нас ещё кассы.

— А я откуда знаю, где вы сели? Платите штраф!

— Да не вру я! Вот и прописка у меня на этой станции...

— Знаем мы ваши прописки!

За старика вступились соседи.

— Сами виноваты,— сказала пожилая женщина.— Ведь на шести станциях до сих пор нет касс! А мы видели, что гражданин сел на Локомотивной...

Спора Дмитрий Митрофанович недослушал: поезд подходил к его станции. Путешественник достиг цели...

ЭПИЛОГ

Не будем описывать обратного пути нашего героя. Скажем только, что он мало чем отличался от пути из Челябинска.

...Вернувшись домой, Дмитрий Митрофанович Калабухов лёг спать и увидел в эту ночь страшные сны. Ему снились покрытые льдом платформы и гадалки, душные и холодные вагоны. Юный «слепец» в станционном буфете внимательно наблюдал за дракой двух пьяниц и твердил:

— Граждане, будьте осторожны! Повторяю...

...Утром Калабухов пошёл на работу. Он поднялся на второй этаж большого серого здания, прошёл в конец коридора и вошёл в свой кабинет. За ним с шумом захлопнулась массивная дверь с табличкой:

«Дмитрий Митрофанович Калабухов, начальник Южно-Уральской железной дороги».

ОТ АВТОРОВ

Произведение, которому вы только что уделили любезное внимание, фантастическое. Фантазией здесь является то, что начальник Южно-Уральской дороги тов. Калабухов Д. М. совершил путешествие в одном из пригородных поездов. Все же остальные события — чистейшая правда. В чём и расписываемся.

Е. ЦУГУЛИЕВА, Р. КЛЕВАКИН

г. Челябинск.

СОБАЧЬЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА.

— И надолго вы здесь поселились!

— До тех пор, пока нам не построят свинарник.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

ОДНОЛЮБ...

Рисунок В. ВАСИЛЬЕВА (г. Хабаровск).

— Товарищ директор! Этот котёнок сегодня ночью в магазине разбил бутылку коньяку и... закусил лимоном... Что прикажете с ним делать!

Как ни странно, но...

...ответ на запрос Крокодила о мерах, принятых по фельетону «Новогодний подарок», редакция получила на следующий же день. Начальник экспедиции Министерства электростанций СССР тов. Панферцев любезно вернул Крокодилу письмо и приложенный к нему текст фельетона с указанием: «К Министерству электростанций не относЕтся...»

А что бы тов. Панферцеву взять да прочесть фельетон! Тогда бы он узнал, что полтавский завод, выпускающий соковыжималки «СВ-1», о которых идёт речь в фельетоне, находится в ведении Главэнергозапчасти. Ну, а Главэнергозапчасть, если тов. Панферцев постарается припомнить, «относется» именно к Министерству электростанций и находится этажом выше его кабинета.

ВАГОН ФАНТАЗИИ

В один из августовских дней минувшего года в кабинет заместителя управляющего Ростовским отделением «Роcснабсбыта» тов. Шешеловского вошла секретарша. Унылым голосом она доложила, что из какого-то Волота запрашивают какой-то двигатель.

— Напишите, что отгружен, — лениво процедил Шешеловский.

— Не поверят. Официальный документ нужен.

— Ах, боже мой! — поморщился заместитель управляющего. — Ну, напишите им официальный документ, по всей форме. Двигатель, мол, отгружен два месяца назад.

— Всё равно не поверят, если не будет номера железнодорожной накладной.

Шешеловский на минуту задумался, посмотрел на потолок и продиктовал первую пришедшую на ум комбинацию цифр:

— 483252. И пусть больше к нам не пристают.

Получили в Волоте подписанную Шешеловским бумажку и всполошились. Уже два месяца двигатель в пути! Где вагон, отправившийся в путешествие по накладной номер 483252? Летят запросы во все стороны. А вагона нет как нет, да и всё тут!

Долго бы, наверно, пришлось разыскивать волотовским организациям злополучный двигатель, если бы в 29-м номере Крокодила не появилась коротенькая заметка, рассказывавшая о «заблудившемся вагоне».

И тут выяснилось, что двигатель не покидал территории завода-поставщика, а бумажка, положившая начало бесплодным розыскам, является филькиной грамотой.

Конечно, истинная цена такой бумажке — грош. Но фантазия тов. Шешеловского дорого обходится государству.

НАХЛЕБНИКИ

Предприятие, о котором идёт речь, носит солидное и чрезвычайно длинное наименование: «Специализированный участок треста «Союзнефтестроймеханизация» Министерства строительства предприятий нефтяной промышленности». И задачи, которые на него возложены, тоже весьма солидные: обслуживать строительство магистральных трубопроводов, сооружать переходы через водные преграды, разрабатывать скальные грунты.

Но не подумайте, пожалуйста, что работники этого предприятия трудятся на лоне суровой природы, среди угрюмых скал и горных потоков. Упомянутый «спецучасток», призванный выполнять столь сложные задачи, находится... в посёлке Панки, подмосковного Ухтомского района.

Конечно, при большой творческой фантазии начальник «спецучастка» А. С. Херсонский мог бы и в здешних природных условиях порадовать своё начальство какой-нибудь смелой технической операцией: например, «соорудить переход» через соседнюю речку Пехорку, которую в иных местах курица вброд перейдёт. Или, скажем, начать «скальные разработки» излюбленного дачниками песчаного обрыва на станции Красково. Но... даже для подобных операций потребовались бы два непременных условия: а) рабочая сила и б) оборудование.

Правда, на техническом вооружении участка имеются такие мощные орудия производства, как несгораемый денежный ящик и канцелярские столы. Есть тут начальник, есть два старших прораба и механик, числятся по совместительству старший бухгалтер и кладовщик, а рабочих нет ни одного!

Так вот и живут спецнахлебники: не сеют, не жнут, производственной деятельностью не занимаются, но заработную плату получают. Только за 8 месяцев прошлого года проели они на зарплате, на командировках и канцелярских расходах без малого 55 тысяч рублей...

Нет, разумеется, никак нельзя сказать, что всё это происходит под боком у министерства. Ведь от Москвы до платформы Панки целых полчаса езды на электричке!

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

Расписался в своей несостоятельности.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый КРОКОДИЛ!

Не собираешься ли ты этой весной прокатиться в автомобиле по маршруту Златоуст — Сатка? Если надумаешь, то учти, что к этому путешествию надо основательно подготовиться.

Во-первых, накупи запасных частей для автомашины: ям, ухабов, камней на дороге больше чем достаточно, и гарантии, что путешествие пройдёт без аварий, тебе никто не даст. Во-вторых, не забудь прихватить с собой трос-буксир на тот случай, если автомашина застрянет в какой-нибудь выбоине. В-третьих, обязательно возьми с собой запас продовольствия: мост через реку Куваши давно разрушен, и переправа ведётся вброд. Так что, может быть, придётся денёк-другой на берегу речки посидеть.

Советую в путешествие прихватить кого-нибудь из Челябинского облисполкома. Если твой попутчик будет удивляться и уверять тебя, что впервые слышит о плачевном состоянии дороги, не верь. Ещё год назад, отвечая на моё письмо через редакцию газеты «Правда», заместитель председателя облисполкома тов. Карпенко сообщал, что «факты правильные» и что «разработаны мероприятия на 1955 год по ремонту дороги».

Как видишь, сигнал мой мало встряхнул руководителей облисполкома. Вот если они сами прокатятся по этой дороге, то наверняка получат такую встряску, что заболят у них бока. Может быть, у них и душа начнёт болеть о состоянии дорог в области.

А. СКОРЫНИН,
старший госавтоинспектор

Дорогой КРОКОДИЛ!

Год назад была у меня большая радость: получил я в Сталинградском облсобесе мотоколяску с маркой Серпуховского мотозавода. Сел в неё, еду к себе домой в Среднюю Ахтубу и думаю: «Ну, голубушка, теперь ты мне не один год верой и правдой послужишь!»

Но радости моей хватило всего на несколько километров. Чихнула мотоколяска раз, другой — и остановилась как вкопанная. Что ты тут будешь делать? Пришлось везти её домой «чужим ходом», на попутной автомашине. И оказалось, что коляска моя никуда не годится: мотор у неё с браком.

Не буду тебе описывать, дорогой Крокодил, подробности долгой и скучной истории, как я вёл переписку с Серпуховским заводом и как он в первый раз «починил» дефектный мотор, вернув мне его в ещё худшем виде. Скажу коротко: 27 августа я послал злополучный мотор в Серпухов на «повторное лечение» и до сих пор никак не могу получить его обратно.

Правда, письма с приятными обещаниями поступают в большом количестве. Даже из Министерства автомобильной промышленности меня всячески обнадёживают. Да вот беда: серпуховские мотоколяски, очевидно, не столь уж легки на ходу, чтобы приводиться в движение «бумажной» энергией. Им требуется исправный мотор, так же, как руководителям вышеупомянутого завода — элементарное уважение к чести своей заводской марки.

А. ЧЛЕНОВ,
инвалид Отечественной войны

Товарищ КРОКОДИЛ!

Ты можешь легко себе представить, насколько польщены и обрадованы были участники нашего драмколлектива, получив приглашение на республиканский смотр художественной самодеятельности. Ещё бы! Кому не приятно и других поглядеть и себя показать!

И вот вместе с коллективами других областей прибыли мы в Алма-Ату. Представитель республиканского совета профсоюзов тов. Ковалёв торжественно повёл нас к месту наших будущих выступлений.

Вошли мы в помещение и ахнули: ободранные стены, разбитые полы...

— Что это? — спрашиваем у Ковалёва.

— Не видите, что ли? Это клуб.

— Клуб? Но здесь же немыслимо играть! Да и зрителей сюда приглашать совестно.

— Ах, вот как!.. Может, прикажете для вас из Москвы в Алма-Ату здание Большого театра перенести? Не могу. Единственное, что в моих силах,— это предложить вам собственную квартиру. И это не устраивает? Тогда могу лишь пожелать вам благополучно добраться до дому.

...После долгих поисков мы обосновались в клубе пригородного колхоза «Луч Востока». И вот спектакль начался. Играли мы с подъёмом, но... для самих себя. Никого из других драмколлективов на спектакле не было. И вообще никого не было: в зрительном зале сидели со скучными лицами только двое: член жюри и представитель совета профсоюзов.

Так, дорогой Крокодил, мы и не смогли ни людей посмотреть, ни себя показать.

Показал себя во всей своей красе один лишь представитель Казсовпрофа Ковалёв.

По поручению драмколлектива посёлка Чулак-Тау

А. ФИЛИМОНОВ, В. КУДРЯКОВ, В. ДВОРЕЦ, Р. ЧУЛИКОВА и Д. РООТ

Дорогой КРОКОДИЛ!

Помнишь, как поётся в песне:

Море спит, прохлада веет,
Спят на рейде корабли,
В голубой дали синеют
Берега земли...

Поэтичная картина, не правда ли?

А вот у нас, моряков тралового флота «Мурмансельди», вид кораблей на рейде или, наоборот, панорама берегов, синеющих вдали от корабля, вызывает только уныние. И это не потому, что мы чужды поэзии. Нет! Виновата житейская проза. Дело в том, что причалы Мурманского порта не могут принять все рыболовецкие суда, и многим из них приходится стоять на рейде.

И вот представь себе картину: вернулись рыбаки с лова и стали на рейде. Свободным от вахты надо бы сойти на берег, а оный берег вдали синеет. Или, наоборот, отдохнули рыбаки дома, на берегу, — утром надо им на корабль, а корабли на рейде стоят. Стоят в ожидании рыбаков час, другой! Смотрят на них рыбаки и завидуют чайкам, которые носятся между небом и землёй и не нуждаются ни в катерах, ни в каком-либо другом виде морского транспорта. А у рыбаков на весь флот «Мурмансельди» для поддержания связи берега с рейдом имеется один маленький катер, да и тот часто выходит из строя. Десятки и сотни людей опаздывают на работу, часами сидят в диспетчерской, ждут, когда придёт на помощь какой-нибудь буксир, зафрахтованный в торговом порту.

Жаловались рыбаки в управление «Мурмансельди» — безрезультатно. Писала об этих неполадках газета «Рыбный Мурман», но голос её будто в морских просторах затерялся.

Видно, руководителям «Мурмансельди» нравится поэтическая картина спящих на рейде кораблей.

Г. БАЦЕНЮК,
матрос танкера «Карталы»

БЫВАЕТ И ТАК

Рисунок Г. ЯРАЛОВА (г. Ереван).

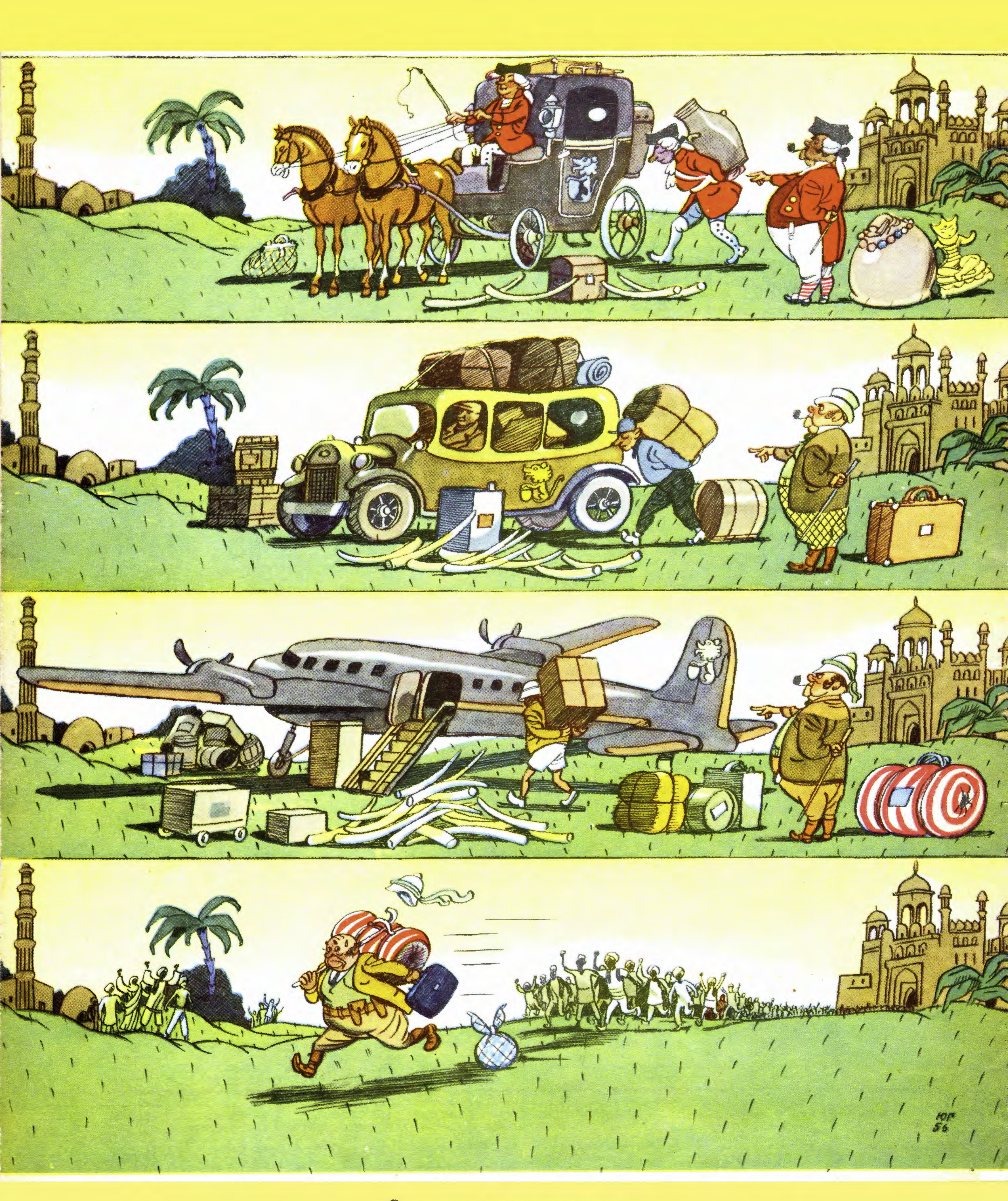

— Не знаете ли, скоро кастрюли поступят в продажу!
— Скоро. Сейчас их примут продавцы, передадут спекулянтам, и тогда, пожалуйста, покупайте.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 00349. Изд. № 168. Подписано к печати 11/II 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. Заказ № 361. Тираж 700 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Эволюция колониализма